

ГНОСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ ЖАНА БОДРИЙЯРА КАК НОСТАЛЬГИЯ ПО СИМУЛЯКРУ

Е. А. Цуканов

*Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна*

Поступила в редакцию 21 июля 2021 г.

Аннотация: *отталкиваясь от понимания ностальгии как контрпрезентного мифа, постулирующего дефективность настоящего, автор делает попытку пропустить творчество Жана Бодрийяра через призму теории коллективной памяти М. Хальбвакса и философии гностицизма, принадлежность «гуру постмодернизма» к которой не вызывает сомнений. Проблему ностальгического дискурса Ж. Бодрийяра автор связывает с понятием гиперреальности, в которой медиа, представая в парадоксальной роли антимедиатора, уничтожают реальность. В ходе исследования стало очевидно, что структура мемориальных образов Бодрийяра связана с образами «Другого мира», а ускользающая реальность на самом деле представляет собой Кеному, вследствие чего никак не может вызывать ностальгию гностика Бодрийяра. Это означает, что французский философ, симулирует симуляцию и уводит читателя от подлинного предмета своей ностальгии – Плеромы, которая парадоксальным образом и есть гиперреальность-симулякр. В связи с этим ностальгия Бодрийяра квалифицируется автором как ресентимент, возникший вследствие культурной травмы, нанесенной гностикам христианской цивилизацией.*

Ключевые слова: *ностальгия, медиа, гностицизм, коллективная память, социальная группа, технология, негативное мироощущение, гностицизм, коммуникация, массовое сознание, симулякр, симуляция, гиперреальность, виртуальная реальность, ресентимент.*

Abstract: *starting from the understanding of nostalgia as a counter-representative myth, postulating the defectiveness of the present, the author makes an attempt to pass the work of Jean Baudrillard through the prism of the theory of collective memory of M. Halbwachs and the philosophy of gnosticism, the belonging of the «guru of postmodernism» to which has no doubt. The author connects the problem of nostalgic discourse of J. Baudrillard with the concept of hyperreality, in which the media, appearing in the paradoxical role of an antimediator, destroy reality. In the course of the study it became obvious that the structure of the memorial images of Baudrillard is associated with the images of «Another world», and the elusive reality is actually a Kenoma, so that cannot cause nostalgia of gnostic Baudrillard. This means that the French philosopher simulates the simulation and takes the reader away from the true subject of his nostalgia – Pleroma, which paradoxically is hyperreality-simulacrum. In this regard, nostalgia of Baudrillard is qualified by the author as a resentment arising from cultural trauma caused by the Christian civilization to the gnostics.*

Key words: *nostalgia, media, collective memory, social group, technology, negative attitude, gnosticism, communication, mass consciousness, simulacrum, simulation, hyperreality, virtual reality, resentment.*

В рамках данной статьи мы постараемся показать связь трех, на первый взгляд абсолютно не коррелирующих между собой, феноменов культуры – ностальгии, виртуальной реальности и гностицизма.

Сегодняшний интерес к феномену ностальгии обусловлен попыткой рассмотрения человека в качестве творца социальных мифов, что делает возможным исследование феномена ностальгии в социальном ракурсе. По мнению А. Чикишевой, ностальгия имеет двойную связь с реальностью: с одной стороны, ностальгический миф конструируется человеком, а с другой – созданная виртуальная конструкция сама оказывает воздействие на императивы поведения человека [1, с. 267–268]. Из ряда вариантов интерпретации понятия «ностальгия», приведенных исследователем, нам интересны два: ностальгия как контрпрезентный миф, постулирующий несовершенство настоящего и как механизм преодоления травмы [2, с. 3]. В связи с этим можно выделить три условия развития ностальгии: 1) линейность времени и, как следствие, неопределенность будущего; 2) ощущение дефектности настоящего, способствующее недовольству общества; 3) наличие материальных свидетельств, соответствующих ожиданиям ностальгирующих [3, с. 89].

Таким образом, концепт ностальгии тесно связан с идеей коллективной памяти и представляет собой попытку преодоления линейности истории и возвращение к цикличности мифа. Пионером исследований коллективной памяти является М. Хальбвакс, существенно расширивший смысловое поле феномена ностальгии (изначально понимаемой как тоска по родине) в свете теории коллективных представлений, исследованием которых занималась французская социологическая школа.

Отталкиваясь от магистрального тезиса французской социологии: «то, что принято считать индивидуальным, на самом деле социальное», – М. Хальбвакс пришел к выводу о том, что память индивидов и групп социально детерминирована и предполагает встраивание индивидуальной памяти в некие рамки памяти коллективной. При обращении к прошлому наше сознание, подвергая его необходимой деформации, преобразует воспоминания [4, с. 56]. Таким образом, М. Хальбваксом был зафиксирован важнейший механизм памяти, согласно которому воспоминания всегда являются реконструкцией [5]. Это означает, что история не просто воспроизводит события прошлого, но подправляет их, адаптируя к тем приемам мышления и репрезентации, которые приемлемы для современного состояния социума [4, с. 209].

Носителем коллективной памяти является ограниченная во времени и пространстве группа. Следовательно, память общества простирается до пределов памяти социальных групп, данное общество образующих. Группы, вырабатывающие концепции и в силу этого властвующие над обществом, рано или поздно сходят с исторической сцены, уступая место другим, к которым и переходит власть над нравами. Эти новые группы формируют новые модели общественного мнения, опираясь на старые концепции. Таким образом, речь идет о сознательном конструировании политики памяти с целью последующего утилитарного использования.

Примером таких групп, являющихся носителями определенных ментальных моделей, могут служить гностики, сознательно и последовательно формирующие контур негативного жизнеотрицающего мироощущения.

Говоря о гностицизме применительно к проблеме коллективной памяти, следует отметить, что данный деструктивный религиозно-философский феномен неоднократно реанимировал свои идеи и концепции, исходя из понимания нужд настоящего времени, создавая «...текст, отвечающий смыслу и требованиям сегодняшнего дня» [6]. Так, коллективная память гностиков, разгромленных христианами в первые века нашей эры, в Средние века нашла воплощение в учениях катаров, альбигойцев, вальденсов, богомилов, павликиан и прочих представителей дуалистических ересей, что настойчиво подчеркивают в своих трудах Н. Осокин [7], А. Дьяков [8], И. Яковенко, А. Музыкантский [9] и др. В эпоху Возрождения гностицизм отчетливо проявляет себя в магических практиках М. Фичино, Пико делла Мирандолы, Дж. Бруно, Т. Кампанеллы, исследованию которых посвящена монография Ф. Йейтс [10]. Наконец, гностицизм со всей очевидностью прорастает в иррационалистических философских концепциях А. Шопенгауэра, Э. фон Гартмана, В. Дильтея, Ф. Ницше, К. Юнга и др. Проблема гностической принадлежности идей философов-постмодернистов неоднократно поднималась в трудах Г. Логинова [11], Е. Богатыревой [12], Э. Фогелена [13], А. Неклессы [14], А. Чолоденко [15], А. Дьякова [16], Ю. Бялого [17] и др. По образному выражению Г. Логинова, пребывание в гностическом дискурсе позволило С. Кьеркегору «наслаждаться бездной», Ницше – в нее «заглядывать», а постмодернистам – в ней обосноваться [11].

Особенно ярко гностические идеи, реализующие себя в социальных технологиях и практиках, представлены в философии таких представителей постмодернизма, как М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр.

По мнению М. Фуко, дискурс представляет собой социальную практику, состоящую из последовательных формаций, соотносимых с разными сферами человеческого практического знания и обладающих собственными формами сцепления [18, с. 69]. Дискурсивная практика выступает в качестве медиатора между текстами и социальным действием и представляет собой неотъемлемую часть общественных отношений, поскольку не только формирует их, но и формируется ими. В связи с этим всякий дискурс может быть рассмотрен в совокупности трех аспектов: как использование языка, как «вживление» в общественное сознание определенных представлений, как взаимодействие социальных групп и индивидов [19].

Рассмотрение гностического постмодернистского философского дискурса мы считаем возможным на примере творчества Ж. Бодрийяра как признанного «первосвященника постмодернизма». По мнению В. Феррони, всё творчество Ж. Бодрийяра можно квалифицировать как ностальгию по подлинной реальности, которая утрачивается в вакханалии размножившихся вещей – симулякров [20, с. 224]. Но так ли это на самом

деле? Постараемся разобраться с объектом бодрийяровской ностальгии, преломив его философские взгляды через призму гностицизма.

Творчество Бодрийяра с гностицизмом уверенно связывают многие исследователи, в числе которых А. Дьяков, Дж. Смит, А. Чолоденко и др. Сам же Бодрийяр открыто не признавал себя гностиком (хотя и видел созвучность этого учения со своими идеями), квалифицируя себя скорее как манихея [15, с. 169–170].

Чтобы ответить на вопрос о подлинной принадлежности Бодрийяра, А. Дьяков заостряет внимание на субстанциональном различии манихейства и гностицизма [16, с. 269]. Так, в качестве основы мира манихеи признавали два равноправных и вполне реальных начала – Добро и Зло. Гностики, в свою очередь, создателем материального мира считали нелегитимного Демидурга Ялдабаофа. Созданный им мир не является подлинным, а представляет собой иллюзию. Следовательно, материя (она же – зло) в гностицизме не является субстанциональной. Полное отрицание гностиками материального мира составляет центральный догматический аспект их учения. В противовес кажущемуся материальному миру Кеномы существует подлинный мир – Плерома, частицы которой рассеяны в материальном мире. По мнению А. Дьякова, Бодрийяр, будучи убежденным в изначальном существовании зла в качестве созидательного принципа мира и единственного источника энергии, на первый взгляд, действительно близок катарам. Но, тем не менее, исследователь уверенно квалифицирует Бодрийяра именно как гностика [там же].

Применительно к гностицизму этический дуализм подразумевает полную имморальность, уравнивая жизнь и смерть в ценностном плане. Понимая смерть как путь возврата к подлинности, Бодрийяр оправдывает террористов, которыми якобы движет тоска по «настоящему» – взрывая мир, они преодолевают мир кажимостей, пробивая тем самым брешь в искусственно созданной и искусственно защищенной Вселенной [21, с. 193]. Таким образом, гностики находятся как бы «по ту сторону добра и зла» (кстати, Ф. Ницше, провозгласивший данный принцип, был любимым философом Бодрийяра) [22].

Как подлинный пневматик, Бодрийяр был крайне непочтителен по отношению к «гиликам»: не вступал с ними ни в личные, ни в профессиональные союзы, не примкнул ни к одному теоретико-методологическому направлению, не был принят академической общественностью. По образному выражению А. Дьякова, Ж. Бодрийяр находился в ситуации человека, бегущего по разрушающемуся мосту: доски, на которые он ступил, обрушиваются под его тяжестью, но он успевает обрести точку опоры и сделать следующий шаг. Такая деконструкция – убежден исследователь – позволила Бодрийяру философствовать, конструктивно используя метафизические категории [16, с. 289]. На наш взгляд, данный аспект концепции Ж. Бодрийяра изначальна деструктивен.

По мнению Т. Закировой, рассмотрение виртуальности, исполненное ностальгией по реальной действительности, неизбежно приводит Ж. Бо-

дрийяра «...к вопросу о поиске гарантов существования культуры, ее подлинности, который во многом остается открытым» [23, с. 35]. Но так ли это на самом деле? Здесь логично уточнить, о какой, собственно, реальности идет речь. Античные гностики презирали материю, а Бодрийяр – иллюзию.

Проблема ностальгического дискурса Ж. Бодрийяра, прежде всего, связана с понятием гиперреальности, выражающим культурную ситуацию, в которой феномены истины перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных, а оригинал и копия сосуществуют в одном культурном контексте [24, с. 95–96]. Гиперреальность образуется в результате симуляции, т. е. обретения знаками-симулякрами статуса самодостаточной реальности. Данный процесс, по мнению Бодрийяра, берет начало в период формирования сциентистской рациональности, когда эксперимент стал не только критерием истинности, но и источником удвоения реальности, запустив процесс подмены, в ходе которого реальность перестает восприниматься как онтологически фундированный феномен. Примечательно, что в современных условиях реальность может быть не только удвоена, но и воспроизведена бесконечное число раз.

Строительным материалом гиперреальности является симулякр, фундаментальным свойством которого можно считать его принципиальную несоотнесенность с какой бы то ни было реальностью. Именно посредством чистого симулякра и осуществляется симуляция – подмена реальности гиперреальностью.

Но что же порождает симулякры? По мнению Бодрийяра, их рождает современный Ялдабаоф – медиа, которые, структурно изменяя реальность, нейтрализуют многообразную вселенную, закрывая выход в Плерому. Следует отметить, что ни одна из современных концепций медиа не удовлетворяет Бодрийяра – тезисом о том, что теории медиа не существует, он начинает свою работу «Реквием по медиа» [21, с. 197; 22]. По мнению Бодрийяра, медиа, предстывая в роли антимедиатора, лишают человека действительности, заставляя потреблять симулякры и делая невозможным процесс символического обмена, для восстановления которого необходимо опрокинуть современную структуру медиа.

Однако научный авторитет французского философа в сфере медиатеории неоднократно подвергался сомнению в отечественной науке. К примеру, С. И. Шелонаев, полемизируя с Ж. Бодрийяром по поводу утраты современным индивидуализированным обществом социальной референции, полагает, что в действительности социальные процессы не остановились, и WWW демонстрирует это в полной мере [25, с. 96–97].

На наш взгляд, в тезис Бодрийяра о том, что медиа уничтожают многообразную Вселенную, закралось какое-то скрытое противоречие. По какой же реальности тоскует «первосвященник»? Логика текстов Бодрийяра показывает, что ностальгирует он по миру подлинных вещей, который всё более поглощается симулякрами, в связи с чем философ призывает оказать активное сопротивление фатальным стратегиям гиперреальности. Это так просто и понятно, и так прозрачно в своей вопи-

ющей очевидности, что хочется усомниться. И здесь уместно вспомнить С. Зенкина, обратившего внимание на амбивалентность механизма актуализации коллективной памяти, предполагающего парадоксальную одновременность формирования и деформации (созидания и деструкции), и сделать поправку на сознательное искажение Бодрийяром своего подлинного отношения к бытию [26, с. 24].

Дело в том, что подобный прецедент уже был, – о нем упоминает А. Дьяков со ссылкой на Дж. Смита, утверждавшего, что свои подлинные гностические взгляды Бодрийяр держит в тайне [16, с. 267]. Однако их не так трудно дешифровать. Единственной вещью, которую фиксирует пневматик, пишет Г. Йонас, является область запредельности наиболее совершенного вида, которая не находится в каком-либо положительном отношении к посястороннему миру, а наоборот, настаивает на его отрицании и отмене [27]. Но если виртуальная реальность, какой ее видит Бодрийяр, представляет собой средство преобразования реальности посредством упразднения тела, ландшафта и времени, то не об этом ли мечтали гностики всех времен и народов? Исходя из этого, мы видим, что Бодрийяр сознательно и настойчиво проводит мысль о необходимости аннигиляции мира – и это является подлинным показателем отношения гуру постмодернизма к бытию. Иначе не стал бы он, противореча собственным тезисам о засилье симулякров, признавать, что подлинным пространством человеческого обитания на сегодняшний день является ненавистная ему гиперреальность, а максимальное исключение из мира гарантирует максимальную безопасность.

Но что же тогда на самом деле представляет собой симулякр? Всё очень просто: симулякр – это истина, скрывающая, что ее нет. И в этом плане, он действительно есть некая позитивная, с точки зрения Бодрийяра, сила, которая отрицает и оригинал, и копию, и репродукцию, т. е. является интеллектуальным инструментом аннигиляции материи посредством превращения ее в кажимость – Кеному. Это легко проиллюстрировать на примере следующего тезиса гуру о роли терроризма: «...стратегия аятоллы Хомейни заключается в том, чтобы вводить в современный контекст подлинные элементы, вследствие чего вся западная система должна неминуемо погрузиться в бездну, что приведет к реваншу “Другого мира”» [21].

Но что представляет собой этот «Другой мир», о котором так ненавязчиво упоминает Бодрийяр? Исходя из гностической доктрины, иная – подлинная жизнь находится «... за пределами всего, что является космосом и небесами... ужасает своей безбрежностью и содержанием тех, кто потерялся... и чей горизонт ограничен тотальными рамками его бытия» [27]. Данный образ «иной жизни» Г. Йонас определяет как «первичный символ гностицизма» [там же]. Понимая терроризм как радикальную форму истребления знаков, Бодрийяр стремится к подлинной пурификации. Это может означать только одно – Бодрийяр не является радикальным борцом с миром симулякров, как хочет это показать. Следовательно, ностальгируя о том, чего нет и не может быть, Бодрийяр си-

мулирует симуляцию. Его настоящий идеал – «Другой мир», подлинная с его точки зрения реальность – Плерома.

Но концепция Плеромы представляет собой интеллектуальный конструкт, отражающий упадок античной философии в условиях кризиса античной цивилизации. Гностический миф о Плероме – всего лишь одна из версий устройства мира, которая возникла в борьбе с набирающим силу христианством. И в данном плане ностальгия Бодрийера не что иное как ресентимент – некое последствие «культурной травмы», которая, по мнению Дж. Александера, имеет место тогда, когда члены социальной общности ощущают, что они подверглись воздействию ужасающего события – непреодолимого и разрушительного, оставившего неизгладимый след в их коллективном сознании [2, с. 2–3].

А. Чикишева обращает внимание на несколько важных моментов такого рода ностальгии: 1) структура мемориальных образов связана с вторичным переживанием эмоций; 2) конструирование социальной памяти и идентичности тесно связано с образом «другого»; 3) через транслируемые социальной памятью воспоминания о прошлом конструируется настоящее и определяется будущее [там же, с. 2]. Все обозначенные выше характеристики структуры переживаемого мемориального комплекса мы в избытке наблюдаем в концепции гиперреальности Ж. Бодрийера. Исходя из этого мы солидарны с А. Чикишевой, которая рассматривает ностальгию и ресентимент как пару дополняющих друг друга понятий, сходных по принципу своего формирования, но различных по характеру образующих их эмоций. Если в основании ностальгии лежит идеалистически переживаемый образ прошлого, то в основании ресентимента – чувство обиды и негодования, связанные с неким условным фактом этого прошлого [там же, с. 2–3]. В данном случае речь может идти об историческом поражении гностиков под натиском христианской доктрины.

Таким образом, Ж. Бодрийер оживляет в современных условиях гностические мифы, имеющие деструктивный характер, заводя своего читателя в непроходимые дебри псевдоинтеллектуальных мистификаций. На наш взгляд, философия Бодрийера может выполнять и политическую функцию – контроля медиадискурса в целях обслуживания определенных элитных групп, использующих симуляцию реальности как инструмент искусственной хаотизации действительности, что дает возможность применения «мягкой силы» для управления огромной человеческой массой.

Литература

1. Чикишева А. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре / А. Чикишева // *Фундаментальные проблемы культурологии* : сборник статей по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. – М. : Нов. хронограф : Эйдос, 2009. – Т. 6, Культурное наследие : от прошлого к будущему. – С. 267–277.

2. Чикишева А. Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании / А. Чикишева // *Культурологический журнал*. – 2012. – № 3. – С. 1–9.

3. *Абрамов Р.* «Советский чердак» российской блогосферы : анализ ностальгических виртуальных сообществ / Р. Абрамов // *Inter.* – 2011. – № 6.

4. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Нов. изд-во, 2007. – 348 с.

5. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас.* – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

6. *Харламов В.* Три века гностицизма / В. Харламов. – URL: <http://apokrif.fullweb.ru/study/harlamov.shtml>

7. *Осокин Н.* История альбигойцев и их времени / Н. Осокин. – М. : Изд-во АСТ, 2000. – 896 с.

8. *Дьяков А.* Гностицизм и русская философия : опыт историко-философского исследования / А. Дьяков. – М. : Союз, 2003. – 328 с.

9. *Яковенко И.* Манихейство и гностицизм : культурные коды русской цивилизации / И. Яковенко, А. Музыкантский. – М., 2010. – 320 с.

10. *Йейтс Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция / Ф. Йейтс. – М. : Нов. лит. обозрение, 2008. – 528 с. – URL: <http://testlib.meta.ua/book/315012/read/>

11. *Логинов Г.* Цивилизация постмодерна как гностическая цивилизация и торжество небытия / Г. Логинов // *Credo New* : международный теоретический журнал. – 2018. – № 2. – URL: <http://credo-new.ru/archives/1368>

12. *Богатырева Е.* Герметическая философия и ее влияние на духовную культуру западного общества : постановка вопроса / Е. Богатырева // *Mixtura verborum* 2004 : пространство симпозиона : сборник статей / под общ. ред. С. А. Лишаева. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2004. – С. 126–139.

13. *Фогелен Э.* Гностицизм – природа современности / Э. Фогелен. – URL: <https://antimodern.wordpress.com/2009/06/16/voegelin01/>

14. *Неклесса А.* Неопознанная культура. Гностицистские корни постсовременности / А. Неклесса // *Развитие и экономика.* – 2013. – № 6. – С. 100–117.

15. Бодрийяр реанимирует изначальную сцену иллюзии (Беседа с Аланом Чолоденко) // *ХОРА* : журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. – 2009. – № 2 (8). – С. 169–170.

16. *Дьяков А. В.* Жан Бодрийяр : стратегии «радикального мышления» / А. Дьяков. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 357 с.

17. *Бялый Ю.* Концептуальная война / Ю. Бялый. – М. : МОФ ЭТЦ, 2013. – 320 с.

18. *Фуко М.* Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.

19. *Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филлипс. – М. : Гуманит. центр, 2008. – 352 с.

20. *Феррони В. В.* Теория «симулякров» Ж. Бодрийяра : «ностальгия по настоящему» / В. В. Феррони // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманитарные науки.* – 2001. – № 2. – С. 222–234.

21. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; пер. на рус. Л. Любарской, Е. Марковской. – М., 2000. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3413/3424>

22. *Бодрийяр Ж.* Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // *Поэтика и политика : альманах Рос.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии РАН.* – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1999.

23. Закирова Т. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийера / Т. Закирова, В. Кашин // Вестник ОГУ. – 2012. – № 7 (143). – С. 28–36.

24. Коротченко Е. Гиперреальность / Е. Коротченко // Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Минск : Современ. литератор, 2007. – С. 95–96.

25. Шелонаев С. Институализация медиапространства : монография / С. Шелонаев. – СПб. : Владос Северо-Запад, 2013. – 180 с.

26. Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки / С. Зенкин // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М. : Нов. изд-во, 2007. – С. 7–24.

27. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия) / Г. Йонас. – URL: <https://religion.wikireading.ru/64711>

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

*Цуканов Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ
E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru*

Higher School of printing and media technology of the St. Petersburg State University Industrial Technologies and Design

*Tsukanov E. A., Ph. D (Philological sciences), Associate Professor of the Journalism and Media Technologies Department
E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru*